

Лидия  
ЧАРСКАЯ

*Повести  
и рассказы*



Лидия Чарская

**Джаваховское гнездо**

«Public Domain»

1911

## **Чарская Л. А.**

Джаваховское гнездо / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1911

Я хочу сказать еще что-то и не могу... Мои мысли кружатся, как огненные птицы, и душа моя горит, как в огне. Смутные образы встают передо мною. Я не в силах оставаться в этих залах, меня влечет на воздух, за стены Смольного монастыря. Лечу как на крыльях, несусь по длинным коридорам, оставив в недоумении моих подруг. Беру извозчика и умоляю его скорее ехать на Фонтанку. Что-то толкает меня, что-то гонит вперед... Желание писать стихи, как бывало в дни юности и отрочества? Вылить в дневнике свои мысли на бумагу? Нет, это что-то другое, чему еще нет названия, нет имени, что совсем еще ново и непонятно для меня...

© Чарская Л. А., 1911

© Public Domain, 1911

# Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	29

# Лидия Алексеевна Чарская

## Джаваховское гнездо

### ГЛАВА 1

Весь день бушевала Кура. Ревели волны, косматые, страшные, о чем-то грозно ликуя и плача, набегали они и разбивались о подножия гор.

Весь день бушевала река. Не успокоилась и к ночи.

На небе залучились звезды. Тихий вечерний ангел с темными очами затеплил высоко золотые огни лампад.

Черные развалины крепости на высоком утесе, расположенном в самом сердце Гори, оделись темной, не узнанной миром, мрачной тайной.

Подползала, сверкая алмазными блестками, черная, гордая кавказская ночь.

А Кура все бушевала.

\* \* \*

Статный татарин Амед, перевозчик, пригнал еще с утра свой паром к берегу и решил здесь остаться, пока не утихнет буря.

Не пришлось ему сегодня получить ни одного абазы<sup>1</sup> на обед. В такую погоду кто же захочет проехаться по Куре на пароме?

– Алла верды! Алла верды!<sup>2</sup> – шепчет он, тихо шевеля губами и обращая к Востоку взор. – Если и завтра река не уймется – ложись и умирай с голоду, Амед, или затяни потуже свой пояс и ступай в горы промышлять барантой,<sup>3</sup> если допустит пророк.

И он накидывает бурку на голову, пряча лицо от разгулявшейся стихии.

\* \* \*

– Эй, кто тут! Необходимо перевезти на ту сторону господ! – доносится до Амеда сквозь шум волн и свист ветра громкий голос.

– Что они, с ума сошли там, на берегу?! В такую погоду невозможно двинуться с места на пароме.

– Ты это говоришь, Амед?

– Я говорю – переправляться на пароме в такую бурю нельзя. Обождать надо. Скажи это твоим господам, Николай! Мой слух не обманул меня? Это ты?

– Так. Селям алейкум,<sup>4</sup> приятель!

– Алейкум селям! Кунаку приветствие и почет! Но переправляться нельзя. Надо обождать.

– Но нам нельзя ждать! Поймите же! Нам необходимо на ту сторону сейчас же. Сейчас!

Это уже не голос армянина Николая, старика-слуги из ближайшего духана,<sup>5</sup> а молодой, звонкий и чистый, как серебро, девичий голосок.

---

<sup>1</sup> Двадцать копеек.

<sup>2</sup> Помилуй Бог.

<sup>3</sup> Разбоем.

<sup>4</sup> Татарское приветствие.

<sup>5</sup> Заезжий дом.

\* \* \*

Амед зоркими глазами впивается во тьму, чтобы разглядеть, кто это говорит.

Там, на берегу, три фигуры. Две женские и одна мужская. И еще что-то странно изогнувшееся, жуткое по своей неясности. Что-то огромное, широкое, с крохотной головой, все в черном, как монах.

– Нам необходимо переехать сейчас! Во что бы то ни стало! – волнуется юный серебристый голос.

– Да! Да! Пожалуйста, перевезите нас! – говорит другой голос, как будто надорванный, слабый.

Амед колебался одну минуту.

Ах, эта Кура! В аду могут быть только такие реки. Когда он, Амед, был совсем еще мальчишкой, на его памяти снесло бурей мост на Куре. Завели паром после этого. Но и паром разве надежен?

– Не повезу! Не выдержит паром, – голос Амеда звучит угрюмо, почти свирепо.

Что, в самом деле?! Он создан не затем, чтобы умирать так рано, почти на заре жизни, одиноким, как тополь в горах.

Эта мысль едва-едва мелькает у него в голове и тут же гаснет.

Неожиданно маленькая ручка опускается ему на плечо.

– Послушайте! Пожалуйста, перевезите нас на тот берег. Возьмите с нас дорожку, но перевезите. Нам необходимо быть там к девяти часам. И мы не смеем опоздать! Ни за что!

Голос звенит и рвется...

Фонарь с берега мигает от ветра, но все же может различить Амед при его слабом свете кудрявую белокурую головку под резиновым плащом, капризный излом бровей, властный ротик и большие синие глаза:

– Нам надо на ту сторону! Непременно!

Уже не просьба, а приказание. Губы складываются горделиво, строго.

– За полтумана<sup>6</sup> вы перевезете нас!

И уже повернувшись назад, другим тоном добавляет энергичная молоденькая особа:

– Не бойтесь, мама! Входите на паром! А ее вы, Николай, поставьте сюда. Я буду ее держать обеими руками. Сюда, так... Прекрасно.

Мимо изумленного Амеда пронесли и поставили, прислонив к доске парома, какой-то безобразный черный предмет, тот самый, что поразил его своим видом на берегу. Потом фигурка в плаще протянула руку своей спутнице.

– Не бойтесь же, не бойтесь, мама. Сходите без страха.

– Но, Даня, дитя мое, я боюсь не за себя.

– Пустяки! Не волнуйтесь, мама, ради Бога. Опасность вовсе не так велика. Перевозчик получит целых пять рублей. Можно, кажется, постараться за эту сумму, – капризным, не допускающим возражения голосом доканчивает молодая особа. Потом слегка кивает головой.

– Можете идти, Николай! На том берегу, я думаю, найдется возница для нее, – говорит она, указывая пальцем по направлению стоявшего на доске парома предмета.

В душе Амеда борются тревога и радость.

С одной стороны, бешеные волны реки могут сломать паром, как щепку. И тогда гибель им всем, всем! С другой стороны – полтумана едва ли когда-нибудь зарабатывал за две недели он, перевозчик Амед!

Колебаний быть не может.

---

<sup>6</sup> Туман – десять рублей.

Он перевезет их! Перевезет!

\* \* \*

– Совсем не так страшно! Совсем! – говорит дама в плаще. – Мама, мама! Да неужели же вы боитесь?

Пожилая дама не отрывается ни на минуту от kloкочущих волн. Они заливают паром, до колен захлестывают ноги. О, какой холод! Какая ледяная вода!

Она вся мокра до нитки. Лихорадка. И это сердцебиение, это сердцебиение! Как оно ужасно! Но она старается забыть о себе и думает только о своей юной спутнице – о Дане.

Даня – ее Даня. Хрупкое, как стебель тепличного цветка, существо. Ей ли выносить такие ужасы – ей, Дане?! Завтра будет простуда, может быть, горячка. Но иначе поступить они не могли. Их там ждут. Если они не поспеют вовремя, придется заплатить огромную неустойку, а у них нет лишних денег. Даня права. Переправиться необходимо.

Амед точно так же чувствует это. Его тело напряглось, вытянулось, как стрела. Мускулы сделались стальными, напрягая все свои силы, он тянет за канат.

А вода захлестывает паром, беснуется, заливая их до колен.

Фигурка в плаще прижала к груди черный таинственный предмет и держит его обеими руками, обняв крепко-крепко.

Резиновый капюшон сполз с ее головки, волосы растрепались. Глаза сосредоточенно смотрят вперед.

В голове мысли: «Надо успеть на ту сторону до закрытия лавок. Купить новую обувь маме и себе. А потом сейчас же отправиться туда. Только бы не опоздать, только бы не опоздать».

А Кура ревет, и клубятся ее холодные волны.

Вдруг невольно отвлекается фигурка в плаще.

– Что-то плывет там, вдали, прямо на нас! Вы не видите, Амед?

Татарин впивается глазами в темноту. Огромный остов, не то плот, не то плоскодонная лодка, мчится на них, мчится прямо на паром.

– Алла верды! Да это плот! Огромный плот из стволов деревьев, какой спускают дальние жители вниз по Куру для продажи дров на базаре в Гори!

Очевидно, плот снесло по реке. Ни одной человеческой фигуры не видно на нем. Черный, тяжелый, он несется по волнам.

– Клянусь бородой пророка! – говорит Амед. – Если он сшибется с нашим паромом, мы не выдержим, разобьемся!

– Так скорее же! Ради Бога, скорее вперед!

– Что можно сделать против воли Аллаха?! – отвечает угрюмо Амед.

– О!

Крик отчаяния вырывается у обеих женщин.

Амед усиленно перебирает канат руками.

Если паром успеет отплыть с середины реки, плот не заденет его. И тогда – спасение!

– Даня! Даня! Бедная ты моя Даня!

Пожилая женщина обвила руками свою юную спутницу. Слезы катятся у нее из глаз.

– Если суждено – умрем вместе! Господи, спаси нас! – шепчет она и незаметно крестит холодной, как лед, рукой белокурую головку.

А роковой плот все ближе, ближе.

Амед, с округлившимися от ужаса глазами, работает что есть мочи.

Но паром подвигается медленно, в то время как плот несется, подгоняемый стихией.

Синие глаза молодой девушки в плаще пронизывают тьму. Одна рука ее обвила плечи матери, другая странный предмет, теснее прижав его к груди.

– Боже мой, неужели нам суждено здесь погибнуть? – шепчет девушка.

– Амед, ты?

– Я!

– Брось паром. Прыгайте в лодку!

– Спасены!

Большая, ныряющая в волнах лодка, вернее, катер, подплывает к парому.

В ней несколько человек, лица которых трудно различить.

– Спасены!

Два женских голоса слились в один.

– Слава Тебе, милостивый Господи!

– Безумие плыть в такую бурю! – говорит сильный молодой голос. – Все, кто на пароме, торопитесь прыгать сюда.

– Никак сама княжна с вами? – изумляется Амед.

– Не время рассуждать! Помоги твоей попутчице сойти к нам и сходи сам.

Фигура поднялась с кормы лодки и, с трудом удерживая равновесие, протянула руки вперед. Пожилая женщина, с помощью Амеда, сошла с парома в лодку первая. За ней синеглазая девушка в плаще, не выпуская из рук странный черный предмет. Последним прыгнул Амед.

Лодка заметалась по беснующейся Куре.

– Держи прямо на перевоз, Аршак!

– Слушаю, княжна!

Оглушительный треск, точно водяной царь разбил в гневе свою грозную палицу о подводные камни Куры.

Это плот налетел на паром, разбил его вдребезги.

– Какое счастье, что мы успели!

Сердце пожилой женщины сжалось.

Не подоспей этот спасительный катер, она и ее Даня пошли бы на дно.

Болью зажглось сердце пожилой женщины. Что-то давит грудь, что-то душит...

Она хватается за бок, валится на корму...

– Маме худо! У нее сердечный припадок! – кричит Даня.

– Мама, мама! Голубушка! Не волнуйся! Опасности больше нет никакой.

Бледное, трепетное лицо склоняется над больной.

– Что делать? Что делать? – ломая руки, лепечет взволнованный голос.

И снова звучит гортанный, полный повелительных, не женственных ноток, властный приказ:

– Держи правее, Аршак! Амед, садись на весла за меня! Я помогу больной. Сандро, ты совсем выбился из сил, мой мальчик. И ты, Селим, тоже.

– Святая Нина, покровительница Грузии, помогает нам, «друг»!

– Я чувствую, у меня появились силы!

– Тогда соберите силы, друзья, и гребите вовсю. Берег в двух саженях только.

Стоп!

Катер ударяется с такой стремительностью, что находящийся в лодке рулевой падает на колени.

– Хвала светлым духам. Мы доехали, джаным-княжна!<sup>7</sup>

– Берег! Берег!

Кто-то легкий и гибкий прыгает на уступ береговой скалы.

– Давайте руки. К переезду нельзя. Кура затопила самый переезд! Выходи первая, княжна.

---

<sup>7</sup> Джаным – душа, душенька (ласкательное).



– Нет, нет! Вынесем сперва больную! Зацепляй багром, Амед. Зацепляй багром... Шум реки покрывает крики, она стонет и бесится в гнев об упущенных жертвах. С трудом цепь лодки обвивает столетний ствол береговой чинары.

На скале копошатся люди, зажигая фонарь.

Лодку подкидывает и бьет о прибрежные камни.

– Бога ради, осторожнее! Больная в обмороке. Сандро, Селим и ты, мой добрый старина Миахо, поручаю ее вам, друзья.

Гортанный, характерный кавказский говор и до странности чистая русская речь.

Одиноким фонарь перевоза, чудом не затухший бурей, слабо мерцает. Другой на скале.

Бережно выносят больную на берег. Даня, глотая слезы, идет подле матери, согревая ее похолодевшую руку в своих руках.

У перевоза ждет коляска.

– Я приказала выехать на всякий случай, – отрывисто говорит тот же гортанный голос, обращаясь к Дане. – Положите туда больную.

И, повысив его до крика, бросает в темноту:

– Валентин! Ты здесь?

– Здесь, «друг», и со мною Павле!

– Подъезжайте ближе, сюда!

Из-за купы густо сросшихся чинар медленно выкатывается просторная коляска. За нею крошечный кабриолет.

Фонари, очевидно, потухли из-за ветра. Но нашелся потайной фонарик.

При свете этого фонаря больную осторожно укладывают на сиденье коляски. Незнакомка, бережно обняв ее, помещается подле.

– Садитесь! – говорит она Дане, стоящей у подножки экипажа.

– Но я не могу ехать с вами. Мне необходимо сейчас же туда, на концерт, – говорит она рвущимся от волнения голосом и, передохнув, продолжает: – у мамы обычный сердечный припадок. Это не в первый раз. Это пройдет. Ради Бога, не можете ли вы взять ее к себе на время, пока я не выполню своей обязанности. Потом я заеду за ней. Мы приезжие и остановились в духане на той стороне. Но туда немисливо попасть теперь. Ночью я перевезу ее в гостиницу. Но пока вы оставите ее у себя, не правда ли?

Ручной фонарик мелькает на мгновение перед бледным личиком и синими глазами.

– Боже мой! Да вы совсем ребенок! – восклицает гортанный голос, – как же отпустить вас одну так поздно?

Минута молчания, потом гортанный голос раздается опять:

– Будьте покойны, дитя. Я позабочусь о вашей матери. Поезжайте, если вам надо. Аршак проводит вас в кабриолете и привезет обратно ко мне, то есть к вашей матери. Я позабочусь о ней.

– Спасибо! Спасибо! Я не знаю, как благодарить вас! Я даже не могу различить в темноте вашего лица. А между тем вы спасли жизнь маме и мне! Кто вы? Дайте мне хоть взглянуть на вас! Как ваше имя?

– Я – друг! – звучит ласковый ответ. – Вы увидите меня скоро. Кончайте ваши дела. Аршак доставит вас ко мне. Жаль только, что вы так спешите. Вам бы надо переодеться, переменить обувь.

– Нет, нет! Я высохну по дороге. Я и так опоздала. Только не оставьте маму. Ради Бога, позаботьтесь о ней!

– Будьте покойны, дитя.

– Благодарю.

Даня крепко сжимает протянутую руку, потом быстро вскакивает на подножку, целует похолодевшее лицо матери и садится в кабриолет подле Аршака, осторожно уложив на переднем сиденье захваченный с собою молчаливый странный предмет.

– Можно ехать. Только поскорее! Прошу вас, поскорее.

– Да, да! Княжна-джаным приказала, значит можно! – отвечает Аршак и трогает вожжами лошадь.

– С Богом! Возвращайтесь скорее! Будем вас ждать! – раздается вдогонку гортанный голос.

Какой милый этот еще так мало знакомый, но уже бесконечно близкий голос неизвестной спасительницы.

– Кто она – ваша княжна? – обращается Даня к своему соседу, когда они отъехали немного от коляски и людей.

– Как?! Ты не знаешь, госпожа?! – восклицает тот с удивлением.

– Святая Нина, просветительница Грузии! Неужели вы не слышали ничего о «друге» и «княжне»? – прибавляет он.

Даня, нетерпеливая от природы, начинает волноваться:

– Скажите же, кто она! Кто спас меня и мою мать от смерти?

– Кто? – голос ее соседа вздрагивает от затаенной гордости, когда он говорит: – Кто она? Она солнце и счастье Джаваховского гнезда! Она роза Гори и орлица Дагестанских гор! Она улыбка ангела и благоуханная азалия долины! Она – названная княжна Джаваха, Нина Бек-Израил.

\* \* \*

Девять часов вечера. Концерт, устроенный в зале учительской семинарии в Гори, в самом разгаре.

Уже проиграл на скрипке чахоточный артист из Тифлиса, и вся розовая от смущения исполнительница цыганских песен успела пропеть несколько веселых вещей и столько же грустных, а высокий, бритый, плотный человек уже передал «на бис» комичный рассказец о поросенке. Наступало время исполнения одного из самых интересных номеров концерта: юная, очень талантливая артистка из Петербурга должна была выступить на эстраде собрания и исполнить несколько «номеров» на арфе.

В афишах не было указано, какие пьесы она исполнит, потому что молодая артистка была импровизаторшей на арфе: она сама сочиняла все те пьесы, которые исполняла в концертах и сочиняла их тут же, во время игры, «импровизировала» их. Это еще более усилило интерес к артистке, не учившейся, как говорили, ни в одной школе, и между тем успевшей приобрести уже громкую известность. Арфистка была в полном смысле талант-самородок, взлелеянный на свободе.

Послушать юную петербургскую гостью собралась самая разнообразная, самая пестрая публика, какая только бывает в Гори. Тут были и армяне, и грузины, и русские; были горцы в своих живописных костюмах, были мужчины и женщины, старики и юноши, пожилые дамы и молоденькие барышни, словом, настоящая толпа закавказского гнездышка, притом шумная, нетерпеливая.

– Где же эта артистка? Разве ее нет в зале? – спрашивали слушатели друг друга.

Грузинский, армянский и русский говор слился воедино.

– Что же, однако! Неужели еще не явилась? Но артистки не было. Она, очевидно, опоздала.

– Возможно, что и совсем не приедет, – говорит какой-то полный армянин.

– Да и немудрено, – замечает другой. – В такую погоду переправляться через Куру рискованно.

– Не только рискованно, а просто опасно! – вскрикивает первый.

– Очень жаль, если концерт окончится без нее. Только ради нее я билет взял, – говорит кто-то, вмешиваясь в разговор.

– Я потребую деньги обратно, если она не выступит, – сердито произносит высокий черкес.

Вдруг в зале появляется какой-то господин, похожий на артиста, и заявляет:

– Приехала, сейчас только приехала! Говорят, Кура сорвала паром, не было переправы. Остановилась в духане за рекою. Что мудреного, что опоздала! Бедняжка!

Встревоженный, взволнованный, чуть живой от хлопот распорядитель пронесется по зале, вылетает на эстраду, бледный, с горящими глазами, с типичными глазами грузина, и анонсирует во весь голос:

– Администрация концерта просит извинения у снисходительной публики. Госпожа Надежда Ларина опоздала не по своей вине. На Куру буря, смыла переправу. Артистка была на волос от смерти. Сейчас обсушится и выйдет играть.

Гром аплодисментов покрыл речь распорядителя.

\* \* \*

С горящими глазами, с бледным, взволнованным лицом, в скромном черном платье, едва успевшем высохнуть у камина в вестибюле, с завитыми самой природой белокурыми кудрями, тоненькая, гибкая в свои пятнадцать лет Даня Ларина выходит на эстраду.

Под аплодисменты садится она на стул, обнимает арфу, кладет тонкие белые пальчики на ее холодные певучие струны. Минуты три настраивает их, уверенно, спокойно.

О, ей не привыкать! Ведь она давно странствующая арфистка. Это ее чуть ли не двадцатый концерт. Уже год, как она ездит с матерью, ее учительницей в то же время, бывшей когда-то настоящей артисткой, обожавшей арфу и учившейся играть на ней много лет. Ездит, кочуя из города в город. У нее нет школы, но зато есть талант. С детства и мать, и все окружающие, кто знал ее, Даню, твердили ей это.

Талант! Да, она сама лучше, чем кто-либо другой, знает это!

Она рождена для славы! Для одной только славы!

Мать говорит ей часто: «Если бы ты имела возможность поступить в музыкальные классы, из тебя вышла бы большая музыкантша, крупная, редкая на диво!»

Но, увы! Этого нельзя!

С тех пор как у Анны Михайловны Лариной болезнь сердца, она должна была бросить уроки, которые давала до сих пор; и Даню учить не может больше: нет физических сил. Нанять же учителя – дорого.

А тут еще из гимназии исключили Даню за нерадение, за лень, за резкость.

Пришлось превратить девочку в странствующую арфистку, чтобы зарабатывать свой хлеб импровизированной игрой на арфе.

Когда-то, когда был жив отец, они не нуждались. Потом обнищали. В душе Даня не может примириться со своей участью. Даня считает себя сказочной царевной, превращенной в бедную арфистку. И верит, верит в то, что недолги колдовские чары, что силою своего таланта она разобьет их, и что они с матерью будут еще знатны и богаты и все станут завидовать им.

Даня – тщеславна. Роскошь, власть над людьми влекут ее к себе с детства.

В мечтах она всегда так и рисует себя зачарованной царевной из сказки. И любит, бесконечно любит себя.

В своем скромном черном платье и еще не высохших вполне и обезображенных водою башмаках юная концертантка все же улыбается гордо и победно.

Ее сила – в ее игре.

Она – талант, красивый, юный, своеобразный. И при помощи его она достигнет власти над людьми, над злой и жестокой судьбою.

И гордая, вдохновенная этим сознанием, она улыбается ясно и кладет пальцы на струны.

\* \* \*

Первый аккорд.

Все стихло в зале – и полилась песнь. Все пережитое в детстве, в отрочестве, в юности выразилось в ней.

Раздались звуки, тихие, баюкающие, как колыбельная песнь.

Розовая детская, маленькая белая постелька. В ней Даня. Она протягивает ручонки, смеется:

– Мама! Папа! Подойдите ко мне.

Подходят оба, улыбаются, целуют, ласкают.

Ах, какая крошечка! Какой душонок их дорогая детка. Белокурые кудри, синие глаза – маленькая фея! А слух! Какой у нее слух! В три года она уже наигрывает несложную песенку, заученную у матери.

Талант!

Радость, счастье, солнце и розы ждут их Даню.

Какие скорбные, скорбные звуки!

Зачем ты извлекаешь их из недр своих, золотая, прекрасная, певучая арфа?

Нарядная пестрая публика беспокойно тоскует на своих местах.

А звуки все летят и стонут.

Они говорят о том, чем полна теперь Данина душа.

Какой мрак! Какая темнота!

Завешены плотно зеркала в гостиной. Посередине черный гроб. В нем отец с печатью на лице непроницаемой. И этот напев печальный и протяжный: «Со святыми упокой!»

И плач матери. И стон тоски и первого недетского горя, вырванный смертью родимого из груди ее, Дани!

О, этот стон! Ты сумел хорошо повторить его, гордый, красивый инструмент!

И еще звуки.

Игривые, нежащие, сверкающие, как весенние ручейки.

Гимназия. Первые грезы отрочества, первые подруги.

Смех, шутки, игры и восторг, детский чистый восторг перед ее, Даниным, талантом.

Прибегают слушать по вечерам подруги в их убогую квартиру, слушать ее, Даню, играющую на арфе.

У нее будущее – светлое будущее сказочной царевны.

А раз будущее и талант – к чему учиться?

Не учится Даня. Грубит. Ленился. Гордыня обуяла ее. Она – талант!

Ее исключают. Осмеянная, уходит она, но все же гордая, как эти звуки арфы, как сказочная царевна. Опять рыдает золотая струна. Стонет аккордами арфа. В ее песне новое горе. Мать болеет, слабеет с каждым днем. Болезнь сердца. А жить так надо, так надо для Дани. Для нее одной.

Первый концерт!

О, ликуй, ликуй, золотой, прекрасный, сказочный лебедь! Мчитесь победно, пламенем зажигайтесь, радостные, дивные звуки!

Какой успех! Она, Даня – царица вечера, царица концерта, признанный людьми недюжинный талант!

О, милая арфа! О, милая золотая подруга! Как она пела в тот вечер! Как пела! Казалось, сами струны играли, рея, как птицы! И сейчас она поет так же.

Раздвигаются белые стены. Исчезает пестрая толпа. Воздвигается дворец из яшмы и гранита. Она там на мраморных ступенях. А перед ней склоняются толпы невольников, подданных, вельможи и цари. Она – могучая царица. Она – дочь таланта! Его любимое, желанное дитя!

У нее власть над людьми. Она знатна и богата! О ней говорят и преклоняются все перед ней.

Теперь арфа уже не стонет, не рыдает. Гордо звучит торжествующая песнь.

\* \* \*

Публика стихла. Слышен, кажется, полет мухи в огромной зале. Глаза впились в юную арфистку. В ушах ее чарующая мелодия, полная света и образов.

Замолчали струны. Оборвалась песнь. Но не минуло очарование.

Даня встала, торжествующая, как только что сыгранная ею импровизированная мелодия, бледная, еще не очнувшаяся от вдохновения.

Встала и с достоинством наклонила белокурую головку.

Тишина.

Но уже спустя секунду гром аплодисментов летит навстречу артистке.

## ГЛАВА 2

– Молодая арфистка еще здесь? Мне надо поговорить с нею!

В дверях собрания стоит статный, плотный мальчик, вернее, юноша, лет пятнадцати на вид. На нем серый бешмет с газырями. Вокруг талии чеканный пояс. За поясом изящный кинжал с усыпанной камнями рукояткой. В руках белая папаха. Черные кудри падают на лицо, на белый высокий лоб, на гордые, тонкие брови, на мечтательно-задумчивые глаза – глаза грузина.

– Я Сандро, Сандро Данадзе из Джаваховского гнезда, – говорит мальчик распорядителю концерта, столкнувшемуся с ним в зале, – я послан сюда княжною Ниной за приезжей арфисткой. У нас несчастье в гнезде.

– Что? Что такое случилось?

– От Бек-Израил я послан сюда. Где барышня-арфистка, приезжая из Петербурга?

Быстрым взором окинув зал, Сандро замечает ту, которую ищет.

Несколько шагов, и он у эстрады, посреди которой стоит Даня. Она еще кланяется, полная достоинства, сознания своего превосходства. Толпа ей бешено рукоплещет.

Сандро видит бледное, вдохновенное лицо, горящие глаза. И острая жалость вливается ему в сердце.

– Бедная! Бедная! Она не знает ничего!

Тремя прыжками он пролетает лестницу, ведущую на эстраду.

– Что вы делаете! Туда нельзя! Посторонним вход туда воспрещен! – несется ему вслед недовольный говор.

Он на эстраде. Вытянул шею, протянул руку.

– Послушайте, поезжайте скорее домой. «Друг» послал меня за вами. Ваша мать. Ей очень худо. Она хочет вас видеть! Сейчас же едем туда!

– Вы говорите, с мамой худо?!

Точно черная туча разорвалась над головой Дани. Руки ее крепко цепляются за широкие плечи юноши.

– Вашей матери дурно. У нее сильный припадок. Она зовет вас!

– Сейчас! Сейчас!

Смутно, как во сне, Даня направляется к выходу. Следом за нею кто-то приказывает нести арфу. Чья-то рука предупредительно всовывает ей в руку конверт с деньгами – условленную плату за участие в концерте. Не слыша аплодисментов, Даня выбегает на улицу.

– Аршак! Подавай скорей! – кричит Сандро и помогает сесть в кабриолет своей спутнице.

– Скорее! Скорее во имя святой Нины, Аршак!

– Мчусь, как горный джейран!

Улицы Гори слабо освещены. Многие фонари затуманены бурей. Кабриолет летит, едва касаясь колесами мостовой.

– Скажите мне, что с мамой! Ради Бога, скажите!

Голос Дани глух, чуть слышен теперь. Но Сандро его все же расслышал. И он отвечает криком, заглушая бурю:

– «Друг», я и Селим привезли ее в «гнездо», внесли в кунацкую, положили на тахту. «Друг» дал ей понюхать лекарства. И она пришла в себя, стала звать вас, допытываться, где вы, стала плакать и жаловаться на боль. Потом опять с ней случился припадок. Тогда «друг» сказал мне: «Сандро, бери Ворона и мчись в собрание. Найди эту девочку и вези сюда». И Сандро оставалось повиноваться.

– Вы были верхом? Где же лошадь?

– Селим сопровождал меня. Он бежит как стрела. Мы были у подъезда собрания почти в одно время, я конный, он пеший. Сейчас он уже дома с конем!

– Батоно,<sup>8</sup> и мы дома сейчас!

Это говорит Аршак, поворачиваясь с переднего сиденья.

Сердце Дани вспыхивает и дрожит.

Город, с его узкими азиатскими улицами и широкими площадями, остался позади.

Они в предместье.

Темные купы деревьев кругом. Сквозь них светятся огоньки. В темноте слышен рев.

– Это Кура. Не бойтесь. Она под горой. Как видно, за ночь не утихнет буря. Но вот мы и приехали. Выходите и доверьте мне вашу ношу. Не бойтесь, Сандро обойдется осторожно с ней.

– Это арфа.

– Знаю.

Из-за купы чинар вынырнула высокая гибкая фигура с фонарем в руках.

– Сандро, ты?

– Я. Ты уже дома, Селим!

– А ты как думал? Или Аллах не наградил Селима парю ног, сильных, как орлиные крылья? Или Селим жалкая девчонка, что не умеет справиться с конем?

– Но ты загнал Ворона до полусмерти, несчастный! Я слышу, как он тяжело дышит у ворот.

– Ха-ха! Или ты забыл, что Ворон и Селим оба родом из Кабарды и что горец больше жизни щадит коня?

Татарский говор звучит насмешкой.

Но Даня не слышит и не видит того, кто освещает ей путь. Свет фонаря падает на широкую чинаровую аллею. Деревья шумят, переговариваясь с бунтующей Курой.

Вдали показывается освещенное всеми окнами здание, с плоской кровлей, обнесенное крытой галереей.

Кто-то проворно сбегает со ступеней крыльца.

– Это вы, Селим, Сандро?

– Мы! Мы! И привезли ее.

– Скорее! Скорее!

Мягкий голос долетает до ушей Дани. Перед ней невысокая, худенькая дама, при освещенных окнах ясно видны ее черты. Бледное, кроткое лицо с огромными черными, грустными глазами. Из-под башлыка бурки, накинутого на голову, выбиваются черные же с заметною сединой волосы.

«Точно у мамы!» – проносится в голове Дани, и она бросается незнакомке на грудь.

– Бедное дитя! Бедное дитя!

Руки неизвестной дамы обвивают плечи Дани, губы касаются ее лба.

– Идем скорее, идем.

Сноп яркого света. Глаза, широко раскрытые до сих пор, ослепленные ярким светом, смыкаются помимо воли и в первую минуту не могут увидеть ничего.

Но понемногу они различают.

Большая просторная комната.

На полу войлок и ковры. Коврами же покрыты пестрые тахты. Углубления в стене в виде кресел. Дрова пылают в камине. Висячая лампа озаряет комнату.

– Сандро, ты побудешь с гостьей, а я пойду, приготовлю больную. Погрейтесь у бухара, дитя мое!

Незнакомая дама говорит мягко и нежно.

Даня успокаивается.

---

<sup>8</sup> Господин.

При свете лампы лицо незнакомки еще более влечет ее к себе. Такое чарующее, такое скорбно-прелестное лицо! Точно добрая волшебница, повстречавшаяся ей в пути.

Но волшебница исчезает, мягко ступая по коврам. Перед ней Сандро.

– Это наша рабочая комната, – говорит он, – мы занимаемся здесь за большим столом. А рядом кунацкая, горница для приема гостей. Там сейчас ваша мать. Здесь наше царство.

– Чье «наше»? – роняет Даня, чтобы что-нибудь сказать, в то время как уши ее напряженно ловят каждый звук за стеною, стараясь угадать, что происходит там, за дверьми.

– Наше – то есть детей Джаваховского гнезда. Наше – то есть Гемы, Валентина, Селтонет, Селима, Маруси и мое.

– Вы сироты?

– Да. «Друг» нам все. «Друг» нам мать, отец, учитель. Она солнце, восшедшее над Джаваховским гнездом. Тетя Люда – ее помощница. Нам хорошо здесь, как вечерним звездам в бархатном небе.

– Вы русский?

– Я алазанец, грузин. И Гема тоже. Мы брат и сестра.

– А Селим?

– Он родом из Кабарды, также и Селтонет. Маруся – кубанская казачка, а Валентин...

Он хочет прибавить что-то, но внезапно прикладывает палец к губам.

Шепот привлекает внимание обоих. Какая-то возня. Потом знакомый повелительный голос бросает властно:

– Ни с места! Говорю тебе, ни с места, Селтонет! – и легкие быстрые шаги за дверью.

Фраза, готовая вырваться из груди Сандро, замирает на губах.

Даня широко раскрывает глаза от изумления.

– Кто это?

На пороге комнаты странное видение: пестрый шелковый кафтан, алые шальвары, на голове легкое, как дым, покрывало поверх шапочки, низко насаженной на лоб. Целая масса монист и ожерелий вокруг смуглой, тоненькой шеи. Среди черных смоляных косичек, извивающихся вдоль плеч и стана, – мглистые, пламенные глаза. Странные глаза, любопытные и упрямо-настойчивые, лукавые и недобрые в одно и то же время. Ноздри вздрагивают. Взор сверкает. Хищной улыбкой приоткрыт пунцовый маленький рот.

Странное видение подбегает к Дане и оглядывает ее.

Потом протягивает руку к двери.

– Ты дочка той, что лежит там?

– Да! – срывается с губ Дани. – Ей хуже? Она умирает? Скажите же!

Странное существо глядит, не отвечая ни слова.

Глядит, точно изучает Даню, точно старается запомнить ее всю – в одно мгновение всю. Потом поднимает высоко руку и лепечет таинственно:

– Сердце... у той, у гостыи в кунацкой уже не стучит. Селтонет клала ей руку на бок. Сердце молчало. Ты опоздала. Твоя мать умерла. Это так же верно, как зовут меня Селтонет!

– А-а-а!

Крик, похожий на стон, срывается с побледневших губок Дани, заглушая на мгновение и свист ветра, и дикие вопли Куры.

Даня шатается, цепляется руками за пустоту и с тем же воплем падает на руки подросшего Сандро.

– О! Зачем ты сказала это?! Зачем? Ты убила ее, Селтонет! – говорит он грустно.

\* \* \*

Вечер. Темные тени падают на сад, дом и галерею. Кура шумит как будто тише, добрее.



Неслышно проходят часы. Луна то прячется, то опять выходит из-за облака.

В круглую комнатку входит женщина в белом ночном капоте.

Другая, молодая, черноволосая, поднимается ей навстречу.

– Что, Люда, ей хуже?

– Нет! Девочка в том же положении. Но я пришла поговорить с тобою о другом. Амед-перевозчик приходил благодарить тебя, душа моя, за твою щедрость.

– Ах! Стоит ли об этом говорить? Пустое!

– Не пустое, Нина, золотая душа. Ты дала ему денег на постройку нового парома больше, нежели следует. Он призывает на твою голову благословение Аллаха и всех его ангелов. Если б ты видела его лицо! Оно сияло, как солнце.

– Да. Но девочка... Она должна жить, Люда. Было бы ужасной бессмыслицей погибнуть ей теперь.

– С твоим терпением и умением ты спасешь ее, Нина.

– О, люди бывают часто бессильны помочь себе подобным, голубка моя. Но клянусь родным моим Востоком, я приложу для этого все мои силы, все мое старание, весь мой разум, что даровал мне Господь. Прикажи Маро позаботиться о покойной. Мы похороним ее, пока девочка без памяти. Так будет лучше.

– Ты устала, моя Нина?

И худенькая рука старшей подруги ложится на чернокудрую голову младшей.

– Разве я устаю когда-нибудь, Люда? Имею ли я право уставать?

Черные, чуть-чуть суровые глаза улыбнулись.

– Я приду сменить тебя перед полуночью, Люда, а теперь с Богом, к больной. Если будет ухудшение, пришли за мною. Мне надо приготовить лекарство.

\* \* \*

Неслышно уходит Людмила Александровна Влассовская, помощница Нины. Снова остается одна молодая княжна. Одна со своими мыслями, с ночью, с ревом Куры за окнами и дальними звездами на бархатном небе. Руки, привычные к движениям, смешивают лекарственные снадобья в расставленных перед нею графинах и пузырьках, а мысли кружатся в голове.

Она – Нина Бек-Израил, названная княжна Джаваха, приемная дочь всеми уважаемого князя Георгия Джаваха; он умер давно, да будет ему пухом родимая грузинская земля. Она, Нина, не грузинка. Ее родители, крещенные лезгины, погибли в бурю, задавленные обвалом в горах. Они родом из далекого дагестанского аула Бестуди. Ее мать, Бэла, или Елена, была дочь старого Хаджи-Магомета и родная сестра покойной жены князя Георгия Джаваха. Отец ее, Израил, или Арсений по крещению, сын наиба того же аула Бестуди. Они крестились, убежав из гор. Потом погибли.

Нина помнит себя уже сиротою в доме князя Георгия Джаваха. У того умерла лет за шесть до ее рождения любимая и единственная дочь, красавица Нина, ее тезка, подруга Люды по институту.

И вместо погибшей дочери, в память ее, князь Георгий двух других взял к себе: чужую ему Людмилу Александровну Влассовскую и свою крошку-племянницу Нину Бек-Израил.<sup>9</sup>

Детство свое Нина помнит прекрасно. Скачки по горам, уроки с Людой, поездки к дедушкам Мешедзе и любимому Хаджи-Магомету в горный аул Бестуди, в глубь Дагестана.

По натуре она скорее юноша, нежели девочка. Она лихо управляет конем, скачет по горам, как горец прыгает через трещины и бездны и джигитует не хуже горного наезд-

---

<sup>9</sup> Более подробно история всех этих лиц рассказана в повестях Л.А. Чарской: «Павловские затворницы», «Княжна Джаваха», «Выпускница» и «Горянка».

ника-абрека. Ее детство – восточная сказка, сотканная из солнца, горного воздуха, журчания ручьев и дыхания роз в долинах и ущельях.

И вдруг первое огромное горе, как пропасть, раскрывшееся перед нею: ее названный отец и дядя умирает внезапно.

Она одинока. Она – богатая наследница всех джаваховских богатств. Дальняя родственница и опекушка, бабушка, не может ужиться с нею, с ее дикой душой, вольной и трепетной, и выживает ее из дому.

И вот она в учебном заведении, в институте.

Друг Люда не оставляет ее и здесь, берет место классной дамы в том же институте, пока Нина не кончает курса ученья.

Наконец-то закончен он. Манит жизнь, манят розовые мечты о воле, о далеком дагестанском ауле, где ждет ее суровый с виду, но добрый, добрый дедушка Хаджи-Магомет.

Другого дедушки, наиба Мешедзе, уже нет в живых и жены его тоже: умерли оба, заочно именем Аллаха благословив ее, Нину.

Она и Люда едут обе туда, в Бестуди, повидать старого деда Магомета, отца матери, обожавшего свою внучку Нину. Счастливая, радостная летит Нина в родимый аул. Вся ее горячая кровь, кровь прирожденной татарки-лезгинки закипает в ней. Родина! Родина!

Но – какой ужас! – в далекой сакле далекого аула она находит полумертвым любимого старика: дедушку Хаджи-Магомета насмерть ранили в горах барантачи-разбойники, прельстившись его богатым вооружением и одеждой. Он еще дышал, когда приехали они с Людой к нему.

Весь в страшных ранах, умирающий старик – и она бессильна помочь ему чем-либо! Если бы она умела лечить! Если бы умела проникнуть во все тайны врачебной науки!

Он умер у нее на руках, истекая кровью, а она тут же над теплым трупом, проклиная свое детское бессилие, поклялась посвятить себя всю на пользу ближних.

Она решила учиться. Учиться, читать, работать, изучать дома врачебные книги и в то же время помогать всем тем, у кого нет опоры, у кого умерли или убиты родители, кто беспомощен и слаб.

Под рев Куры, в знойной ласке восточной ночи она вспоминает картины прошлого.

Хаджи-Магомет любил детей. И в память его она, Нина, решает устроить у себя детский сиротский дом-питомник.

Она объезжает свою милую, прекрасную родину, выискивая несчастных сирот, нуждающихся в помощи и покровительстве. В Петербурге узнает она горькую новость: ее институтский любимый друг, уроженка холодной Финляндии, Лидия Рамзай, потеряла родителей и разорена. Но Лидия не унывает. Лидия хочет учиться, усиленными занятиями заглушить тоску. У Лидии есть брат, двенадцатилетний мальчик. Его берет Нина в свой питомник, чтобы дать возможность подруге свободно уехать за границу, посещать лекции в университете, сделаться врачом.

Берет, обещает заботиться о нем, как о родном сыне. Потом летит назад домой, в Грузию.

В Алазани убивают бедную грузинку какие-то грабители, напав на усадьбу одинокой беззащитной вдовы. Ее дети, тринадцатилетний Сандро и десятилетняя Гема, переходят к Нине. Сын кабардинского абрека Селим лишается отца, остается сиротой. И его берет Нина к себе, не глядя на то, что Али – абрек, известный всей Кабарде и Грузии разбойник. С черноокой Селтонет та же история. Ее, сироту, спасает Нина в то время, как девочку везут в Турцию продавать в неволю какие-то темные люди, не то персы, не то татары. И, наконец, Маруся. На Кубани встречает Нина осиротевшую девчурку, русскую казачку.

В «гнезде» старой Джаваховской усадьбы нет различия наций и племен. Тут русские, грузины, татары – все, кто нуждается в помощи благородной княжны. Она дала слово у могилы дедушки Магомета быть «другом» всего несчастного человечества и свято сдержит его.

Она богата. Денег хватит на ее питомник. И сил должно хватить тоже.

Ей помогают ее верная Люда, князь Андро Кашидзе, ее родственник, мулла из соседней мечети, русский священник и старый Михак, дядька детей. Но больше всего ей помогает ее разум, ее смелое сердце. Она уже не прежняя институточка Нина. Она выросла за эти дни горя, тревог и забот. Уже два года идет эта полная нравственного удовлетворения в труде и заботах о близких молодая жизнь. И Нина доведет до конца свою миссию. Дедушка Хаджи-Магомет, ее названный отец князь Георгий Джаваха, ее родители могут спать спокойно в своих могилах.

Теперь ее мысли полны новой питомцей Джаваховского гнезда – этой молоденькой арфисткой, попавшейся ей на пути так неожиданно и странно. И она должна вернуть ей здоровье, должна дать возможность прожить светло и прекрасно на радость и пользу людям, как живет теперь она сама – Нина Бек-Израил.

\* \* \*

– Вот еще азалии, Сандро. Вот розы. Смотрите, какая она красивая стала теперь!

– Покойники не могут быть красивыми, Гема.

– О, я не знаю, но, мне кажется, она так хороша.

– Скоро придет мама. Будут петь печальные напевы и понесут на Горийское кладбище гроб.

– Перестань, Гема! И без тебя тошно. Девочка третьи сутки не приходит в себя. Но она должна жить. Должна! «Друг» сказала, что она не умрет. Так и будет. Клянусь вам, так и будет! Да, вот увидите.

Русая головка трясет убедительно двумя пышными до колен косами, а румяное задорное личико полно милой настойчивости. Марусе Хоменко, при всем нежелании, нельзя не поверить.

– Ну, конечно. Выживет, что и говорить. Раз «друг» сама взялась за лечение, так иначе и быть не может.

Сандро пожимает плечами. Он верит в «друга». Так верит этот Сандро. Только личико Гемы, поэтичное, худенькое, все в голубых жилках, с большими карими печальными глазами, с темными локонами, выбившимися из-под мингрельской шапочки, полно сомнения.

Она лишь на мгновение увидела тогда, в тот роковой вечер, белокурую голову и синие, остановившиеся в горе глаза юной незнакомки и уже успела полюбить ее.

Юная гостя, точно сказочная фея, прилетела к ним из бури и ночи, в роковой час. Так неужели же она улетит опять? Неужели же умрет, как и ее мать? Невозможно!

– Девочки! Вот вам еще розы.

В маленькую часовню, куда члены гнезда собираются молиться по утрам и где теперь в глазетовом гробу лежит Анна Михайловна Ларина, украшенная цветами, входит еще кто-то.

Он меньше Сандро и уже его в плечах. Его руки белы и красивы. У него ноги аристократа по своему изяществу и миниатюрности. Скрамный фасон ботинок не может скрыть их форму.

Ему лет около четырнадцати, но он кажется старше. У него чуть сощуренные, слишком усталые для юношеского возраста глаза. Надменное и серьезное лицо с тонкими, но некрасивыми чертами. Изящное, полное достоинства лицо. Он похож на переодетого принца в своем сером с красными газырями, как и у Сандро, бешмете, перетянута таким же чеканным кушаком.

– А, Валентин! Наконец-то! Как хорошо, что ты пришел. Мы успеем украсить покойницу до панихиды. Но где ты взял столько красивых роз? – спросил Сандро.

– Мне их дал Павле из оранжереи тети Люды.

– Ты не видел Селима и Селтонет?

– Они оба над обрывом. Я видел торчащую бритую голову Селишки между скал. Баранья голова, что и говорить. Разбойник!

– Ха-ха-ха! Правда, что разбойник! Правда, Валь?!

И Маруся Хоменко заливается смехом, по-детски хлопая в ладоши.

– Но ты с ума сошла. Здесь покойник! – произносит Сандро, и черные глаза его вспыхивают гневом.

– Пожалуйста, без замечаний. Я тебе не Гема. Ты мне не брат.

– Ты и Гема – Кура и Рион. Две реки по нраву. Ты вечно беснуешься и хохочешь, она полна печали и тоски. С обеими, как с женщинами, возни немало.

Сандро говорит это сердито, передергивая плечами. Это его привычка – привычка маленького мужчины, помощника «друга».

Гема улыбается, Маруся конфузится и краснеет до ушей.

В четырнадцать лет не уметь себя сдерживать несколько, да еще здесь, в присутствии смерти...

Она косится на глазетовый гроб, засыпанный цветами. В нем лежит незнакомая женщина с суровым, скорбным лицом. Или от игры зажженных свечей лицо ее кажется таким суровым?

Покойница, умершая в чужом доме, на чужих незнакомых руках, не успевшая проститься с дочерью, могла ли она отойти спокойно?

Жалость прокрадывается в веселое сердечко Маруси, вольной казачки с Кубани, умеющей звонко петь и звонко, залихватисто смеяться.

Она берет розы, принесенные Валентином, и сыплет их на мертвую грудь.

\* \* \*

Как сквозь сон слышит Даня странные, полные тоски напевы. Или это на самом деле сон?

Иногда, открывая глаза, видит она чистую, светлую комнату, выкрашенные голубой масляной краской стены и клочок синего неба. У окна – старую чинару. Она, точно сторож, караулит окно. Под нею цветут розы.

И опять слышатся напевы, тягучие, болезненные, напоминающие что-то горькое, мучительное из далекого детства.

Но что, припомнить нельзя. Нет сил на это.

У своей постели она часто видит ту, к которой так повлекло ее недавно.

Но когда именно – она тоже не может этого постичь. Печальные глаза, седеющие волосы, нежное лицо.

Раз она спросила:

– Кто вы?

Та отвечала кротко, чуть слышно:

– Та, кто любит вас.

С этим ответом снова впала в забытие Даня.

А в это время отпевали и хоронили на соседнем Горийском кладбище ее мать.

Но она этого не сознавала.

В эти ужасные дни у нее была горячка.

\* \* \*

– Ну, что, как дела, сердце мое Люда?

– Нина-джан, ей лучше, она приходит в себя.

– Наконец-то. Мои снадобья помогли телу. Теперь попробуем помочь ее мыслям и душе.

Нина Бек-Израил, названная княжна Джаваха, девушка лет восемнадцати, кажущаяся много старше своих лет, с черными, туго заплетенными косами, с почти суровым лицом, с пронизательным, властным взглядом, подходит к постели больной.

Ее сильная, скорее мужская, нежели девичья рука осторожно опускается на белокурую головку.

На исхудалом лице Дани нет ни одной мысли. Это маска. Красивая маска. Скульптурное в своей неподвижности лицо.

Ее душа спит. Спит сном безумия.

Это видно. Мысль улетела из этой прелестной головки.

– Люда, – говорит Нина, и ее гортанный голос приобретает несвойственную ему мягкость и доброту, – Бог посылает в наше гнездо новое живое существо. Мы берем его на свою ответственность. Люда, слышишь, сестра души моей?

– Да, Нина. Иначе не может быть. Она – сирота. Мы обе поклялись ее матери не оставлять Дани.

– Я поклялась ей, кроме того, сохранить ее. И я должна исполнить свою клятву, Люда. Эта девочка на пороге безумия. Она умерла для здоровой мысли, для разума. Но мы должны вернуть ей снова способность жить здоровой, мыслящей, ясной, разумной жизнью или...

– Или?

– Или она выздоровеет совсем, или нервная горячка вернется снова, и она погибнет.

– Нина!

– Да, Люда. Разве ты не знаешь, что первым условием спасения является риск? Риск на грани смерти или победы. Слушай меня, моя Люда.

Я должна испробовать одно опасное средство, чтобы вернуть ей разум. Я знаю, это очень рискованное средство, но...

– О, делай все, что знаешь, Нина! Я верю в твою мудрость и силу!

Слезы загораются в печальных глазах Людмилы Александровны, «тети Люды», как зовут ее воспитанники Джаваховского гнезда. Загораются и пропадают снова.

Бек-Израил говорит:

– Люда, там в соседней комнате арфа. Вели Марусе Хоменко взять несколько аккордов на ней. Маруся обладает слухом и сумеет справиться с этой задачей. Какие-нибудь импровизированные аккорды. Это не трудно. Потом пошли ко мне Селтонет.

Люда уходит, чтобы исполнить поручение своей юной подруги-воспитанницы.

Нина стоит у постели больной, глядя пристальным взором в бледное, безжизненное лицо Дани, в ее синие глаза, такие красивые, но лишенные мысли.

– Даня, – тихо, но повелительно говорит Нина.

– Что?

Слабо и беззвучно падает это «что» с побелевших, слипшихся губок.

– Даня, тебе лучше? Не болит голова?

– Нет.

– Ничего не болит?

– Нет.

– Ты тоскуешь по маме?

– Нет.

– Ты знаешь, где она?

– Она рядом со мною!

– А ты?

– Во дворце из яшмы и гранита.

– Кто ты?

– Я – заколдованная царевна из волшебной сказки. Я сама сказка о таланте и красоте.

– Бедная Даня! Бедное дитя!

Легкие, чуть слышные аккорды звучат за стеной.

В лице Дани появляется тревога. Напряжение застывает в лице, в бровях, губах и глазах.

– Это арфа. Твоя арфа, Даня, – говорит Нина, понизив до шепота свой гортанный кавказский говор. – Ты помнишь, как играла на ней?

По лицу больной пробегает судорога, первый проблеск мучительного старания припомнить что-то.

Потом лицо это делается опять безучастным, как маска. Тогда Нина оборачивается назад. За нею стоит Селтонет, позвякивая своими монистами, с горящим, как у кошки, любопытным взором.

– Подойди сюда, – приказывает ей Нина.

Не без робости молоденькая татарка приближается к ней. У нее гибкая, извилистая походка и хищное, выжидательное лицо.

– Что прикажет «друг» бедненькой Селтонет? Что желает от несчастной бедняжки Селтонет звезда души ее, Нина! – лстивым голосом осведомляется она.

Лицо Бек-Израил хмурится сильнее.

– Слушай меня, Селтонет. Брось свои выходки, хитрая девочка! Из-за твоего упрямства чуть не погибло это дитя. Если бы ты послушалась нас и не выбежала из кунацкой тогда и не сообщила бы этой несчастной так грубо и неумело ужасную весть о смерти ее матери, она бы не переживала того, что переживает теперь. Слышишь меня, Селтонет?

– Но что же может сделать теперь Селтонет, сладкий луч солнечного восхода, моя джаним-радость, черноокая царица моей души?

Черные брови Нины сходятся снова.

– Молчи, не кривляйся. Ты должна исправить свою вину. Слушай! Собери все свои силы и вспомни хорошенько тот вечер, как было все тогда, и повтори все, что ты сказала ей тогда, все, как было. Словом, сумей испугать эту девочку вторично точно так же, как испугала ее тогда, в первый раз! Поняла? Это нужно для того, чтобы привести в чувство, спасти эту несчастную, вырвать ее из того состояния, в котором она находится теперь.

– Поняла, радость моего сердца! Поняла тебя Селтонет.

– Ну, начинай! Я буду тут же, около вас.

Нина поднимает руку, повелительным жестом указывая на дверь.

Молоденькая кабардинка скрывается за нею, мелькнув пестрым нарядом и черными змеями кос. В следующий же момент она врывается в комнату. Ее лицо бледно. Нервно раздуваются тонкие ноздри. Пламенно горят глаза.

– Русская! – кричит она, заражая своим волнением больную. – Русская, слышишь? Твоя мать умерла! У нее остановилось сердце. Селтонет клала ей руку на бок и слушала. Сердце молчало. Она умерла, твоя мать!

Сначала глаза Дани так же тихи и прозрачны, как прежде. Потом вдруг, сразу затемнели они. Что-то зажгло в глубине их...

– Мама? – скорее угадала, нежели услышала на губах Дани Нина.

– Твоя мама умерла от разрыва сердца, моя девочка! Моя бедная девочка! Нет твоей мамы на свете! Мы уже схоронили ее! Плачь, милая, плачь!

За стеною Маруся Хоменко неопытными пальчиками перебирает струны, берет аккорды, наигрывая по слуху красивую, тоскливую песнь своей родины, песнь Кубанских станиц.

Под эти звуки рождается сознание Дани, светлеет ее разум. Доступны теперь ей слова: «Умерла твоя мама! Схоронили мы ее. Одна ты! Одна бедная, бедная сиротка!»

Нина чувствует, как дрожит у нее под руками худенькое тело, как трепещут плечики Дани. И вдруг стон горя и муки потрясает низкие своды Джаваховского гнезда:

– Где ты, моя мама? Мама! Мама!

И судорожно, мучительно рыдает Даня в объятиях княжны.

– Девочки, Люда! Идите сюда! Скорее! – кричит Нина.

Комната наполняется. Постель Дани окружают взволнованные лица.

– Она спасена! – говорит Нина, по-прежнему сжимая в объятиях плачущую Даню.  
– В этом не могло быть сомнения, раз ты, «друг», взялась за это, – раздается за ее плечами.  
– Кто это? Сандро?  
Ну, конечно, он! Его глаза, полные обожания и преданности, подняты на Нину. Сандро любит больше жизни свою воспитательницу и вторую мать. Селим выходит вперед.  
– Друг, – говорит он тихо, – она тоже будет наша? Дитя нашего гнезда, да?  
Нина молча кивает головою.  
– Нашей сестрою она будет! – вырывается у кроткой Гемы.  
Нина улыбается ей.  
– Хорошая малютка! Такая чуткая в ее двенадцать лет!  
Маруся Хоменко осторожно приближается к постели.  
Тихонько кладет руку на белокурую головку, наклоняется губами к уху Дани и шепчет:  
– Бедняжка, милая! Не плачь! Не плачь! Ты будешь с нами. Ты будешь нашей! Мы все сироты. И все счастливы с «другом» и тетей Людой. И все мы будем любить тебя! Да! Будем любить тебя, наша Даня!

\* \* \*

В семь часов старый, но крепкий, как дуб, Михако в военном расстегнутом казакине подходит к столетней чинаре с подвешенным к ней гонгом и ударяет в него семь раз. Это значит: «Уже утро. Пробуждайтесь все в старом гнезде Джаваха!»

На половине девочек начинается суетня.

Они все спят в просторной комнате, все четверо: Селтонет, Маруся, Гема и Даня. Подле них комната тети Люды. Немного дальше – круглая, несколько мрачная, с выступом на кровлю, горница «друга».

На противоположном конце дома находится спальня мальчиков: Сандро, Селима и Валентина. Они спят здесь под надзором старого дядьки Михако. В доме есть еще кунацкая, столовая, рабочая горница и кухня, есть две комнаты для прислуги: одна для стряпухи Маро, а брат Маро, Аршак, молодой конюх, кучер и садовник Павле помещаются в другой.

Вокруг дома – крытая галерея. Кровля горской сакли, плоская терраса, обнесенная парапетом со всех сторон. Здесь на солнце сушатся дыни, персики, виноградные лозы и розовые лепестки для щербета. А вечером, когда багровое солнце прячется за горами, здесь собираются все обитатели гнезда полюбоваться закатом и горами.

Отсюда виден весь Гори, и его церкви, и мечети, его здания европейского и азиатского образца, с базаром, кривыми улицами и торговым кварталом армян.

Отсюда видна и широкая панорама гор. Синие, туманные, они кажутся полными веянья какой-то далекой могучей сказки, сказки о скованном богатыре Эльбрусе, который, потрясая цепями, приводит в движение моря и сушу.

Сад дает прохладу. В нем растут столетние каштаны, чинары и тополя. Ореховые кусты и розы сплетаются, как братья. О, этот запах медвяный восточных, мистических цветов! Какое сильное впечатление производит он на всех, попадающих сюда!

Даже бывший денщик старого князя, Михако, шуря от ярких лучей свои старые, но еще зоркие глаза, не может не улыбнуться ароматной цветочной ласке. Он улыбается, крестится, сняв древнюю свою казачью папаху, выдавшую не один кавказский поход, и еще раз ударяет в гонг:

– Пора, милые, просыпайтесь!

С виду сонная, но очень деятельная Маро подает ключевую воду для мытья – огромный глиняный кувшин, полный студеной влаги.

Первой встает Гема. Пока Маруся еще нежится в постели, она пробирается к Дане, карабкается к ней на кровать и будит ее легким поцелуем.

– Вставай, моя роза, вставай.

Глаза Дани раскрываются.

– Вставай, нынче особый день!

– Почему?

– Разве ты не знаешь?

– Вот дурочка! Болтает с утра. Не дает спать, – ворчит Маруся Хоменко.

Она выглядит презабавной: растрепанная, румяная, с заспанным лицом. Гема улыбается.

– Завтра, цветик, праздник «друга» нашего – день рождения – и все мы кое-что приготовили для нее. Будет парадный обед, а ночью бал. Нынче после занятий, пока «друг» поедет за покупками в город, мы украсим гирляндами весь дом! Ах, как будет весело завтра, солнышко мое, мое счастье! Мальчики станут джигитовать и гости тоже. Потом будут плясать до утра, палить из ружей и жечь цветные огни.

– Бенгальские, – поправляет Маруся, снова высунув из-под одеяла кончик вздернутого носа.

– Все равно, – соглашается Гема. – Я хуже знаю по-русски, чем вы. Не все ли равно, как их называют? Приедут из гор Гуль-Гуль и Керим, а из полка князь Андро.

– Князь Андро? Кто это?

– Ты увидишь, узнаешь потом. Пока скажу тебе: князь Андрей, Андро-орел. Керим еще больший орел, только у него срезаны крылья.

– Ты говоришь загадками, Гема.

– Полно, цветочек. Я говорю, как умею. И как умею люблю тебя, Данечка-джан!

Глаза Гемы, темные, карие, с пушистыми ресницами, загнутыми кверху, – поэма. Что для ее брата Сандро «друг», то для нее, сестры его Гемы, – Даня. Бледная, синеглазая, талантливая Даня, три недели назад потерявшая мать, как бы приросла к сердечку Гемы.

Новый удар гонга прерывает болтовню восторженной девочки. Появляется тетя Люда в своем обычном темном платье, с ниточкой ровного пробора в черных, с проседью, волосах.

– Как? Девочки, вы еще не готовы? А где Селтонет? – спрашивает она, заметив, что постель Селтонет пуста. – Где Селтонет, Маро?

– Не знаю, госпожа. Должно быть, побежала за дикими азиями в горы. Наверное, выпрыгнула в окно. Дверь заперта.

– Безумная девочка! Нет сладу с ней. Она опоздает на урок. Сейчас приходит мулла. Это его часы.

– Он займется пока с Селимом, тетя Люда. А Селтонет подоспеет как раз. Только бы не узнала «друг»: «другу» нельзя сердиться в такие дни. Не правда ли, тетя?

И личико Гемы принимает молящее выражение.

В восемь часов христианские члены гнезда собираются в часовне. Она построена в углу сада усадьбы в память князя Георгия Джаваха, названного отца тети Люды и «друга». С мусульманами, Селимом и Селтонет, молится приходящий для занятий из соседней мечети мулла.

В часовне сама Люда читает молитвы, хор детей поет, и затем все идут в кунацкую на ранний завтрак. В девять – уроки. Тетя Люда и Нина занимаются с детьми всем, что проходят в средне-учебных заведениях. Нина сама преподает мальчикам математику и латынь. Специально ради этого она прошла то и другое в последние два года. Все дети приблизительно одного возраста, от двенадцати до пятнадцати лет.

Мальчики готовятся в гимназию. Только Селим хочет быть военным. С ним отдельно занимается казачий есаул, князь Андрей Кашидзе. Он же учит одинаково мальчиков и девочек стрельбе и верховой езде. Нина готовит Тему и Марусю в средние классы тифлисского инсти-



тута. Судьба дальнейших занятий Селтонет еще не решена. Трудно запереть в четырех стенах вольную кабардинку.

После двух часов едут в горы верхом. Иногда состязаются в скачках в красивых карталинских низинах.

Кроме Вороного, красавца кабардинского коня, еще дюжина других коней стоит на конюшне.

Нина требует от своих питомцев, мальчиков и девочек – безразлично, сидеть в седле, как в кресле, стрелять без промаха, править и грести на лодке во всякую погоду. Она сама с помощью князя Андрея, Михако и Аршак выучила их этому. Когда Кура бушует и ропщет, она берет свой катер, надежный, как библейский Ноев ковчег, и едет туда, где нужна ее помощь. Случится где пожар – она немедленно спешит с помощью. Ее мальчики, Селим, Сандро и Валентин, она сама, Аршак и Павле всегда первые там, где опасность грозит людям.

Дане трудно свыкнуться с новой для нее обстановкой.

Когда первые приступы горя стихли, Нина указала Дане, что надо делать, как учиться и чем заниматься в Джаваховском гнезде.

Даня стала отдельно от других брать уроки у Людмилы Александровны Влассовской. Ей это было тяжело, непривычно. Разве она думала когда-нибудь о систематических уроках в пятнадцать лет? Успех, слава, бродячая жизнь артистки, – вот что наполняло до сих пор ее всю, а теперь... Иногда, забывшись, Даня вспыхивала, бросала перо, книгу.

– Я не хочу и не могу учиться! Я не могу быть как все! Оставьте меня! Я не создана для жизни трудовой пчелы, – срывается с ее губ. – Я не хочу такой жизни. Да мне ее и не надо. Я талантливая и не пропаду и без этого вашего ученья. Я буду артисткой!

– Увы! Бродячей артисткой ты будешь, дитя мое, но не артисткой, нет, – улыбаясь, отвечает тетя Люда. – Пока ты еще дитя, твои импровизированные песенки дадут тебе успех и удовлетворение. Но когда станешь постарше – они уже не будут интересовать людей. Толпа требует школы от артистки. А школы у тебя нет. И чтобы поступить в консерваторию, даже в музыкальные классы, необходимо образование. Только грамотный человек может войти в этот храм.

Голос тети Люды кроткий и тихий. Веет от него искренностью и участием. Но Даня волнуется, едва слушая его. Нет! Нет! Она не понимает ее. Она не может ее понять. Ах, Боже мой! Никто ее здесь не понимает. Она не как все. Спадут чары! И она покажет, покажет им! И зачем умерла мама? Зачем? Зачем? Из синих глаз падают скупые слезы.

\* \* \*

– Где ты была утром, Селтонет?

Сандро спрашивает это таким же тоном, каким спрашивал бы сам «друг» провинившуюся дикарку.

И черные глаза его строги, почти суровы.

Селим, с туго перетянутой талией, со съехавшей на бритой голове папахой, выступает вперед.

– Какое тебе дело, где она была?! Хотя бы в подземной сакле у самого шайтана. Не смей обижать девушку! – отвечает ему Селим.

Сандро пожимает плечами.

– Ты с ума сошел, Селим. «Друг» приказал мне, как старшему, заботиться о всех вас. Тетя Люда беспокоилась все утро. Селтонет опоздала на Урок муллы.

– Ха-ха-ха! Пусть Сандро наденет черную юбку «друга». Пусть заплетет свои кудри в две косы. Пусть сорвет кинжал, пояс и газыри со своего бешмета. Пусть девчонкой сделается Сандро, чтобы каждая баба-осетинка могла тыкать в него пальцем и кричать: вот так джигит!

Селтонет, говоря это, хохочет. Даже Маро, готовя у себя в кухне на завтрак любимый детьми бараний шашлык, вздрагивает и говорит сварливо:

– Ну вот, разошлась снова, дикая коза. Опять вселились в девчонку злые духи. И чего это княжна-джан не ушлет куда-нибудь подальше эту дикарку Селтонет. Всех ребят испортит. В одной только разбойничьей Кабарде рождаются такие дети.

Маро права.

Глаза у Селтонет – злые, как у рассерженной кошки, ноздри раздуты. Несмотря на тонкость линий, лицо ее не симпатично, хотя и красиво настоящей восточной красотой.

Она все еще злобно смеется, глядя в самые зрачки Сандро.

– Снимай бешмет, надевай юбку, и хорошая баба будешь! Верно тебе говорю.

Сандро вспыхивает. Горячая кровь его родины бьет в виски.

– Но-но, потише, Селтонет! Полегче!

– Что? Ты никак грозишь? Нет у нас такого адата в Кабарде, чтобы обижать женщин, – вступается Селим, сдвинув на лоб папаху.

– Ты хочешь ссориться, Селим? – спокойно осведомляется Сандро. – Ты забыл, что велит нам постоянно «друг» – жить в мире и согласии между собой?

– Ссору кабардинца с грузином может решить только кинжал, и никакой «друг» не будет тому помехой! – вызывающе бросает мальчик-татарин.

– Эге, приятель! Да у тебя на плечах, я вижу, вместо головы пустая тыква, если ты хочешь драться, когда это строго запрещает «друг».

Это говорит Валентин. Лицо его серьезно, почти строго.

В этих спокойных, смысленных чертах навеки застыло что-то ясное, раз и навсегда понятное. Но глаза Валентина полны затаенного смеха.

– Тебя никто не спрашивает, убирайся к шайтану! – сердито выкрикивает Селим.

– Охотно, если ты пойдешь туда со мною, чтобы показать мне дорогу.

Лицо Валентина невозмутимо-спокойное.

– Ой, молчи, баранья голова! – говорит Селим.

И в одну минуту весь загорается, как порох.

– Не боишься, что забодая тебя. Ведь бараньи головы украшены рогами, миленький.

Правду тебе говорю, – смеясь, роняет Валентин.

– Ах, ты! Не будь я Селим-Али, сын Ахверды-Али из нижней Кабарды, если я...

Селим подскакивает к Валентину.

– Мальчики! Не деритесь! Во имя «друга»! Вы помните завет и ее, и тети Люды: мы должны быть, как братья и сестры – все!

Гема, с полными слез глазами, с мольбою протягивает руки вперед.

– Женщина, молчи! Твое место не там, где сражаются джигиты!

Красный, как пион, Селим, оттолкнув девочку, с поднятыми кулаками кидается на Валентина. Но между ними уже Сандро.

– Ни с места!

Сильными руками обхватывает он молоденького татарина поперек тонкого стана и откидывает назад.

– И ты тоже, Валь! И тебе не стыдно? Так-то вы любите «друга»? Драчуны!

Сандро – весь гроза. Густой румянец кроет его смуглые щеки.

Валентин пожимает плечами.

– Я-то при чем? Чем я виноват, что у татарина пустая тыква вместо башки!

– Опять!

Сандро делает угрожающий жест по направлению Селима, который готов драться до потери сил. В четырнадцать лет он еще совершенный ребенок, непосредственный, не умеющий владеть собою ни на йоту, хотя и мечтает днем и ночью быть джигитом-саибом (офицером).

Селтонет стоит в стороне. Она больше всего любит ссоры и драки, бурю и суету.

«И чего мешается Сандро! Кто его просит! Аллах ведаёт, как бывает сладко, когда подерутся мальчишки, – проносятся мысли в её голове. – Подерутся из-за неё. Селим – её верный пес и настоящий джигит по натуре. Удалой, не боится ничего, её слушает во всем, как ребенок. Немудрено: она старше и умнее его и это верно, как луна всходит ночью, а солнце утром! Он бы и сейчас лихо отдул долговязого Вальку, выколотил бы пыль из его бешмета, а этот Сандро всегда помехой всему».

Внезапно обрывается мысль.

Сандро стоит перед ней.

– Селтонет! – говорит он. – Селтонет, ещё раз спрашиваю тебя, где ты была сегодня утром, где? Ты должна мне это сказать, понимаешь, должна!

Селтонет вырывается.

Но черные глаза точно впиваются ей прямо в душу. А сильная рука Сандро сжимает её пальцы.

Селим не может прийти к ней на помощь. Селим много слабее Сандро, который силен, как молодой барс.

И зачем только «друг» поручил ему приглядывать за ними! Или они дети, что ли? Слава Аллаху, выросла она, Селтонет!

Бессильная злость закипает в груди девочки. Ненавистен ей Сандро и все они, особенно насмешник Валька и та синеглазая кукла, из-за которой ей влетело от «друга» и других в первый же день приезда!

И чтобы удивить их всех, испугать и озадачить, Селтонет швыряет в самое лицо Сандро злые, но правдивые слова:

– Была у зеленой сакли. Слушала под дверьми, как «она» там царапалась и выла. Слушала, да! Час битый ждала. И ещё пойду! И ещё увижу! И шайтан вас всех возьми! Нет цепей для рук и ног Селтонет. Нет цепей! Да!

– Как?! У зеленой сакли?! – восклицает Сандро. Ужасом полно это восклицание.

Бледнеют молодые лица.

Даже Валентину изменяет его обычное спокойствие, и он отступает назад.

Гема судорожно вздрагивает, повалившись на дерн.

У Маруси Хоменко лицо – сплошной ужас.

Селим широко раскрыл глаза и рот.

Только Даня спокойно смотрит на всех.

– Что это за зеленая сакля? – спрашивает она. – Скажите мне!

И в тот же миг чувствует, как маленькая ручонка ложится ей на губы. В двух вершках от неё личико Гемы. Она шепчет чуть слышно:

– Молчи, цветок, молчи. О зеленой сакле «друг» не позволяет говорить.

\* \* \*

– Пора выходить!

Даня стоит в сторонке. Её черное платье, с нашитыми на нем креповыми полосами, так мало подходит к сегодняшней праздничной обстановке.

Гема и Маруся в белых легких вечерних костюмах, смесь воздушного тюля и лент, у Селтонет белый суконный бешмет и широкие канаусовые голубые шальвары; красивые звенящие ожерелья на её смуглой шее; у тети Люды парадное серое шелковое платье. А она, Даня, олицетворение сиротства в этот день!

Чуткая Гема лучше всех понимает подругу. Она ластится к ней, как кошечка, и шепчет то и дело:

– Не печалься, моя роза, улыбнись. За столом ты сядешь между мною и Марусей, и мы не позволим тебе скучать. Правду, Маруся, говорит Гема?

Молоденькая казачка вскидывает свой задорный носик.

– А то как же! Неужто позволим! Ха-ха...

– Что у тебя за манеры, Марусенок? Ну, кто же так дергает носом? – говорит подошедшая Люда.

– Ах, тетя, милая! Ну, чем же я виновата, если мой нос не сводит глаз с Горийской колокольни? Мой нос – тяжелое бремя для меня! Но ничего не поделаешь – переменить нельзя! Тетя Люда! Это выше моих сил!

– Глупенькая! Конечно!

Маруся всегда такая с тех пор, как здесь поселилась. Всегда веселая, резвая хохотушка. Живет, как птичка, беспечная и радостная.

Удар гонга прерывает эту сцену.

– Идем, дети, идем! Даня, бедняжка моя! Тебе очень тяжело?

Голос Люды, упавший до шепота, проникает в самую душу Дани Лариной.

За эти три недели Даня успела привыкнуть к Людмиле Александровне больше, нежели к другим. К «другу» она далеко не привыкла. Суровая Нина Бек-Израил, хозяйка Джаваховского гнезда, «друг», как ее здесь все зовут, не обладает такой кроткой, подкупающей, нежной душой. В ней сила, могучая, мощная мужская сила, рыцарски благородная, но чуждая сентиментальности, чуждая терпимости к чужим, особенно к Даниным, слабостям.

Княжна Нина рождена, чтобы повелевать. Да же не умеет покоряться и смущается ее глазами, зоркими и всевидящими, как у горной орлицы, ее советами учиться – советами, похожими на приказанье. При этом Нина вовсе не считает Даню особенной, отмеченной талантом. Люда куда ласковее и нежнее, мягче Нины.

На вопрос Люды Даня отвечает, забыв свое обычное недовольство судьбой:

– Да, тетя Люда, я вспоминаю маму. Мне тяжело.

– Что делать, крошка! Этот праздник нельзя отменить. Покойным князем Георгием Джаваха был отмечен этот день, и мы с Ниной не имеем права вычеркивать его, детка, – и Люда протягивает руку девочке.

Машинально Даня принимает ее. Все пятеро идут в кунацкую, где уже собрались гости, приехавшие на праздник Нины Бек-Израил.

– При виде этих прекрасных горийских звезд меркнет скромно месяц Востока!

С уст молодого еще красавца-джигита срывается этот возглас.

И взгляды присутствующих обращаются на дверь. Четыре молоденькие девушки, из которых старшей, Селтонет, только шестнадцать лет, невольно останавливаются на пороге. Глаза разбегаются от всей этой пестрой, нарядной толпы.

О, сколько здесь гостей! Здесь и «европейские», и «азиатские» гости, как их называет Валентин.

Все интеллигентные жители Гори с женами и детьми, офицеры ближайших полков с их семьями, холостая молодежь, барышни и не то татары, не то грузины в национальных костюмах, каких еще не встречала до сих пор Даня.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.